

Гайнутдинов Тимур Рашидович

ОПЫТ СУВЕРЕННОГО СООБЩЕСТВА ЖОРЖА БАТАЯ

Статья посвящена понятию "внутреннего опыта" в философии Жоржа Батая. Автор показывает, что "внутренний опыт", вопреки очевидности, невозможен в качестве опыта замкнутого и всегда направлен на другого. Именно в этой спонтанной открытости опыта Батай обнаруживает выход к подлинно суверенному сообществу. Батай рассматривает сообщество как пространство близости, ускользающее от какого бы то ни было реконструирования, поэтому почувствовать его можно, только скользя по поверхности "внутреннего опыта", пребывая в постоянном становлении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 49-52. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Гаджимурадов М. Т.** Утверждение власти Сасанидов на Восточном Кавказе в раннем средневековье // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 85-91.
6. **Егише.** О Вардане и войне армянской / пер. с древнеарм. И. А. Орбели; прим. К. Н. Юзбашяна. Ереван, 1971. 192 с.
7. **История Армении Моисея Хоренского** / пер. Н. О. Эмина. М., 1893. 363 с.
8. **История Егише Варданета.** Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении / пер. с арм. П. С. Шаншиева. Тифлис, 1853. 360 с.
9. **Карахмедов А. А.** Христианские памятники Кавказской Албании. Баку, 1987. 28 с.
10. **Лазар Парпеци.** История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну / под ред. Г. Тер-Мкртчяна, С. Малхасянца. Тифлис, 1904. 132 с.
11. **Мейтарчян М. Б.** Погребальные обряды зороастрийцев. М.-СПб., 2001. 245 с.
12. **Мовсес Каланкатуаци.** История страны Алуанк: в 3-х кн. / пер. с древнеармянского Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984. 253 с.
13. **Пигулевская Н. В.** Сирийские источники по истории народов СССР. М., 1941. 172 с.
14. **Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М.** История Ирана с древнейших времён до конца XVIII в. Л., 1958. 391 с.
15. **Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу.** М., 1971. 137 с.
16. **Сулимов С. И., Черниговских И. В.** Религиозно-философские основания манихейства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-193. С. 189-193.
17. **Тревер К. В.** Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. (источники и литература). М.-Л., 1959. 391 с.
18. **Церковная история Эрмиля Созомена Саламинского.** СПб., 1851. 670 с.
19. **Шихсаидов А. Р.** О проникновении христианства и ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III. С. 54-76.
20. **Firby N. K.** European Travelers and Their Perceptions of Zoroastrians in the 17 and 18 Centuries // *Archaeotogische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband.* Berlin, 1988. № 14. P. 62-70.

ON THE ISSUE OF CHRISTIANITY SPREAD IN THE SOUTH-EASTERN CAUCASUS IN THE IV-V CENTURIES

Gadzhimuradov Murad Tagirovich, Ph. D. in History
Dahestan State University
murad-docent@mail.ru

The article reveals the nature of relations between the followers of two most numerous religious confessions in the South-Eastern Caucasus in the IV-V centuries – Christianity and Zoroastrianism. Ideological confrontation between the followers of these religions often led to bloody wars under the slogan of struggle for “faith”. The author also draws the reader’s attention to the fact that religious factor was often a tool of the imperial policy of the major powers of that time.

Key words and phrases: Sasanian Iran; Byzantium; Caucasus; Christianity; Zoroastrianism; inter-confessional confrontation.

УДК 130.31

Философские науки

Статья посвящена понятию «внутреннего опыта» в философии Жоржа Батая. Автор показывает, что «внутренний опыт», вопреки очевидности, невозможен в качестве опыта замкнутого и всегда направлен на другого. Именно в этой спонтанной открытости опыта Батай обнаруживает выход к подлинно суверенному сообществу. Батай рассматривает сообщество как пространство близости, ускользающее от какого бы то ни было реконструирования, поэтому почувствовать его можно, только скользя по поверхности «внутреннего опыта», пребывая в постоянном становлении.

Ключевые слова и фразы: Жорж Батай; внутренний опыт; сообщество; событие; совместность; суверенность; другой.

Гайнутдинов Тимур Рашидович, к. филос. н., доцент
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Jean-jacques@yandex.ru

ОПЫТ СУВЕРЕННОГО СООБЩЕСТВА ЖОРЖА БАТАЯ[©]

В большинстве текстов Жоржа Батая понятия, которыми он оперирует, не стоят на месте: они, скорее, непрерывно путешествуют по поверхности текста, ускользая в силу своей предельной динамичности от любой систематизации. Батай разбивает тотальную целостность системы, внося туда сумятицу неопределённости. Во многом эта концептуальная неустойчивость объясняется самими объектами исследования, которые находятся в центре внимания Батая: опыт, суверенность, сообщество... или, в своей созвучности, опыт суверенного

сообщества, составлявший горизонт бесконечно возобновляемого «внутреннего опыта». Поэтому вовсе не случайно, что «во французской критической (или, скорее, —иологетической?) традиции его [Батая] называли —бком?» [8, с. 64]. Об этой интеллектуальной взвинченности, необузданности и непредсказуемости характера Батая говорит также Дени Олье — один из самых пронизательных комментаторов Батая, — ссылаясь при этом на слова Роже Кайуа: «Батай... обладал потрясающей способностью выходить из себя, впадать в гнев в тот самый момент, когда он делал выбор» [Цит. по: 6, с. 200]. Да и сам Батай неоднократно извинялся за импульсивность и экстремизм собственного языка. Так, в одном из писем тому же Кайуа, извиняясь за своё резкое поведение накануне, Батай напишет: «Я очень хочу извиниться за эксцессы языка, которые поразили даже меня самого..., я сам удивлён, ибо вплоть до сегодняшнего дня мне не случилось доходить до такого фанатизма: я стремился к этому, но передо мной не было ничего, кроме пустоты. Я бы очень хотел, чтобы вчерашнее столкновение двух наших фанатизмов имело бы характер доподлинной встречи. Надеюсь также, что эта ничтожность даст нам почувствовать, насколько всё наисущественное зависит по-прежнему от бога *polemos...*» [9, с. 194-195]. Возникает ощущение, что Батай вполне осознанно ищет такого общения, которому можно было бы отдаться полностью, которое позволило бы дать волю его самым неукротимым и сокровенным побуждениям. И это не просто «манера общения» или особенности характера, но прямая реализация экстремального опыта сообщения.

Книга Батая «Внутренний опыт» вышла в свет в 1943 году, однако её большую часть образуют статьи, написанные в предшествующее десятилетие. Текст «Внутреннего опыта» составлен из бесконечного числа различных фрагментов, комментариев, черновых заметок, цитат, приложений и проч., поэтому воспринимается не в качестве законченной книги, но мозаичной маргиналии, вплетённой в разнородную повествовательную ткань. Речь здесь, скорее, идёт не о том, чтобы посредством текста воссоздать пережитые состояния, но о том, чтобы, отталкиваясь от пережитого, достичь некоторого предельного «опыта суверенности». Суверенность здесь — это не понятие, не категория, не инстанция, не характеристика, но социальное отношение. Именно поэтому, суверенность возможна только в сообществе, лишь в нём она обретает себя и своё имя. Тест «внутреннего опыта» изобилует множеством цитат от Мастера Экхарта до де Сада, так что подчас возникает ощущение утраты «опытом» собственного авторства: он превращается в нечто анонимное, одновременно внутреннее и внешнее, приобретает черты совместности и начинает выстраивать себя посредством со-бытийной сокровенности сообщества.

Странное дело, «внутренний опыт», о котором свидетельствует Батай, говорит нам нечто прямо противоположное тому, о чём говорит буквально: он говорит о внешнем в тот самый момент, когда определяет себя в качестве «внутреннего». Батай утверждает, что «внутренний опыт» невозможен в качестве опыта замкнутого, он всегда открыт вовне и направлен на другого. Иначе говоря, лишь в случае со-бытия опыт реализует себя в качестве события (мы используем здесь понятие «события» в его двойном смысловом регистре: с одной стороны, «**событие**» во всей его значимости, неожиданности, существенности и проч., с другой стороны, «**со-бытие**» в значении совместности, сопричастности, общности и т.д.; это смысловое различие находит своё графическое отражение, но в то же время, нам бы хотелось удержать оба топически эквивалентных значения концепта «события»: одно значение — отталкивается от события, другое — связывается с со-бытием, и русский язык позволяет увидеть эту семантическую связь как нельзя более полно). В этом плане, опыт совпадает с событием в той степени, в какой они вместе совпадают с со-бытием. Со-бытие есть некоторый изначальный опыт — то, что определяет опыт сообщения как таковой [4]. Иначе говоря, опыт невозможен вне сообщества: «Опыт совершается, продолжая упорствовать, в своём несовершенстве, лишь тогда, когда им можно поделиться, и в этом дележе обнаруживает свои границы, обнаруживается в этих границах, которые ему надлежит преодолеть и посредством этого преодоления выявить иллюзорность или реальность абсолютного закона... Закона, предполагающего наличие какого-то сообщества (соглашения, взаимопонимания), пусть мимолётного, между двумя разными людьми, преодолевающего малой толикой слов невозможность высказывания, сводящегося, вроде бы, к единственному проявлению опыта, к его единственному содержанию: способности передачи того, что таким образом пополняется, ибо стоит передавать только непередаваемое» [2, с. 29]. Всё происходит так, будто некоторая трансцендентальная необходимость, в обход воли и свободы субъекта, определила открытость опыта в качестве его необходимого условия или закона. «Внутренний опыт, — пишет Батай, — это экстаз, а экстаз, как кажется, это сообщение, которое противится сосредоточенности на себе», — и несколькими страницами далее: «Сообщение — это не то, что добавляется к присутствию, это то, что его составляет» как некую фигуру целостности [1, с. 32-33, 56]. Целостность присутствия в этой общности опыта, обращенности его вовне. Если же пространства этой абсолютной общности опыта не сформировалось, то моя обращенность к другому так и останется без ответа — глухим эхом, безнадежно повисшим в воздухе; и даже более — не будет самой этой обращенности, и мне не ответят, так как я не позову (в этом не будет смысла). В каждом слове есть эта тревога дыхания и вдоха, когда оно срывается с уст и обращается в воздух. Тревога возвращения: слово должно обернуться в миг и вернуться назад ответным словом. Тревога смысла: мысль в слове должна стать чуждой для самой себя (условие обращения), но в этой чуждости себя узнать и удержать (условие ответа).

«Даже если сообщество и исключает непосредственность, которой утверждалось бы растворение каждого в обморочной сопричастности, оно предлагает или требует опыт того, что не может быть познано: это —**бытие-вне-себя**» (или внешнее), которое есть бездна и экстаз, не переставая служить единичным соотношением» [2, с. 28]. Сообщество предписывает открытый, поверхностный опыт «бытия-вне-себя», выставления себя вовне (опыт внешнего). При этом бесконечная внешность, как показывает Батай, непространственна, то есть не является внешностью как таковой. Точнее, не может нести имя «внешнего», поскольку сами отношения внешнего и внутреннего с неизбежностью удерживают собственную пространственную соотнесённость.

Нельзя стереть поэтику места, оставить в языке пустое место, разлучив язык и пространство, поскольку пространственная соразмерность «внутреннего – внешнего» сопричастна самой природе языка и, следовательно, является неотчуждаемой. Так что Батай не мог «отказаться» от внутренне-внешнего координирования собственного опыта. Но он использует это координирование в своих интересах: абсолютную внешность Другого, он заменяет непространственной внешностью себя («бытие-вне-себя»). В некотором роде он делает внешность внутренней, и это не просто переворачивание с ног на голову, но попытка указать на бесконечную инаковость Другого посредством отрицания пространственной внешности. Иначе говоря, Батай утверждает бесконечную (внешнюю) инаковость Другого во внутреннем пространстве опыта сообщения. Другой может быть тем, что он есть лишь в моём «внутреннем опыте», но и мой «внутренний опыт» есть ничто иное, как бытие-вне-себя (то есть нечто непространственно внешнее), бытие-с-другим.

Этимологическая наследственность «опыта» чревата испытаниями или даже пыткой; возможно, пыткой – одной из многих или же единственной. Опыт близок опасности (английское «experience» и французское «expérience» отсылает к латинскому «periculum», что значит опасность), с которой человек сталкивается, испытывая себя. Опыт и есть испытание, он подвергает риску, несёт в себе риск. Опыт – испытание, но так же и эксперимент. В этом плане и опыт Батая можно назвать экспериментальным, но не в смысле научного экспериментирования, а в том, что он полагает возможное (или, скорее, невозможное) более существенным, нежели действительное. Такова особенность любого эксперимента: он перемещает место действия с действительного на возможное (это всё равно, что изменить освещение: оставив в темноте сцену, высветить амфитеатр, как будто там и происходит всё действие). Что ещё? Опыт склонен быть прилагательным, говоря иначе, опыт склонен быть опытным. В этом смысле мы говорим об опытном человеке как искушенном в чём-либо. Так что в некотором роде опыт искушает. По крайней мере, в случае Батая опыт был именно искушением, или даже соблазном. И, напротив, то, чем он не являлся совершенно – это средством обретения какого-либо истинного знания: опыт Батая не выстраивает себя подобно посредственной прикладной стратегии, переползающей от одной промежуточной стадии исследования к другой. В посвящённой Батаю статье «Опыт – предел» Морис Бланшо отмечает, что внутренний опыт – «это ответ, который получает человек, когда решил радикально поставить себя под вопрос. Это решение, компрометирующее всякое бытие, выражает невозможность человека остановиться – ни на миг, ни на одном утешении или какой бы то ни было истине... это такой опыт, который ожидает высшего человека, способного не остановиться в последний раз на этой достигнутой удовлетворённости; это опыт вождения человека без вождений, опыт неудовлетворённости того, кто удовлетворён – во всём», это недостаток, чистый изъян, где, однако, имеет место свершение бытия, всемогущества и всеведения» [3, с. 67, 69]. Опыт Батая не является ни истиной, ни тем, что её отрицает, ни знанием, ни незнанием. Он есть преодоление, переход, он всегда для себя исключительно цель и событие, а значит, вовсе и не опыт, поскольку «не относится ни к одной из форм присутствия, ни к какой полноте...» [5, с. 429]. Этот «опыт», перечёркивающий в себе всё опытное, уклоняется от любых описаний и изложений. Он – тайна, что не может быть высказана, то есть прямая противоположность общению. В то же самое время, опыт чужд скрытому, спрятанному, темному – тому, что поддается сокрытию и не может обнаружить себя при свете дня. С некоторой двусмысленностью, можно сказать, что опыт Батая нераскрываем, но при этом он и не скрывается, он может быть разделяем другим: сама его интенсивность коренится в непосредственности со-бытия и со-вместности. Иными словами, опыт Батая есть всё та же частица «со», пронизывающая собой всё, что может быть высказано, и всё, что высказыванию не подлежит.

«Внутренний опыт» Батая, превосходя рамки классической философии, достигает точки, в которой превзойдённая и «оставленная в дураках» философия уже не может оставаться той, что была прежде. В силу определённой неизбежности она ещё использует классические понятия, и будет продолжать это делать ещё некоторое время, но на деле эти понятия пусты: они в лучшем случае – фасад философии, за которым ничего не стоит, лишь одни слова в отсутствии смысла. Батай стремится достичь неизведанных возможностей человека, некоторого предельного «опыта невозможного»: «Я не был безумцем, однако делал несомненно чрезмерную уступку необходимости выйти тем или иным образом за рамки нашего человеческого опыта и налаживал себя на такое смятение, чтобы самое невероятное в мире (и самое душераздирающее, что-то вроде пены на губах) казалось мне самым необходимым» [9, с. 68-69].

Речь идёт именно о «необходимости», то есть о том, что нельзя пройти в обход, обойти, избежать, уклониться и проч. Нельзя, поскольку это с неизбежностью (опять же – необходимостью) составляет саму суть тебя. Ты «чрезмерно уступаешь» себя необходимости безумия. (Но что значит здесь эта «чрезмерная уступка себя»? или даже не так: может ли эта «уступка себя» не быть чрезмерной? Разве не выражает здесь само движение «уступания» степень чрезмерности, когда ты должен отдать себя весь, без остатка, всегда с лихвой, всегда чрезмерно?) Именно так: не ты реализуешь опыт безумия, но, «уступая» себя безумию, ты позволяешь ему реализовать себя. Такая подмена (не ты несёшь внутри себя безумие, но безумие в своём нутре вынашивает твоё «Я») позволяет Батаю вести рассказ о собственном «внутреннем опыте» (иногда этот рассказ срывается на крик, часто вовсе прерывается, возвращается вновь в виде молитвы, заклинающей сакральное). Это – идеальная позиция. Ты внутри, но в то же время – на расстоянии, несколько отстранён. Ты можешь сказать кое-что о пене на губах (не так много, но всё-таки кое-что), а не только лишь корчиться с ней на полу. «Уступая» себя безумию, ты делаешься его приближенным. Мало у кого такая позиция не вызовет страха, но именно её Батай и испытывает необходимость достичь. Однако он видел также, насколько неустойчиво это положение приближённого безумия (впрочем, опыт исторический показывает нам шаткость положения любого приближённого); он видел это хотя бы на примере Антонена Арто. Именно поэтому Батай хочет проделать этот опыт сообща: так больше шансов довести его до той предельной точки, за которой «самое невероятное, кажется самым необходимым».

Список литературы

1. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: *Axioma*, 1997. 336 с.
2. Бланшо М. Неопишное сообщество. М.: Моск. филос. фонд, 1998. 78 с.
3. Бланшо М. Опыт – предел // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 64-77.
4. Гайнутдинов Т. Р. Сообщество и событие // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 2-1. С. 13-15.
5. Деррида Ж. От экономии ограниченной к экономии всеобщей: гегельянство без утайки // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 400-444.
6. Коллеж социологии 1937-1939. СПб.: Наука, 2004. 588 с.
7. Подоксенов Д. В. Суверенность, сообщение и смысл в работах Ж. Батай // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. С. 37-40.
8. Тимофеева О. Рецензия на книгу С. Л. Фокина «Философ-вне-себя. Жорж Батай» // Критическая масса. 2003. № 2. С. 64-67.
9. Фокин С. Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. 320 с.

EXPERIENCE OF GEORGES BATAILLE'S SOVEREIGN COMMUNITY

Gainutdinov Timur Rashidovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
P. G. Demidov Yaroslavl State University
Jean-jacques@yandex.ru

The article is devoted to the notion of “inner experience” in the philosophy of Georges Bataille. The author shows that “inner experience”, despite its obviousness, is impossible as closed experience and is always directed to the other. Bataille finds access to truly sovereign community in this particular spontaneous openness of experience. Bataille considers community as space of proximity escaping from any kind of reconstruction, so you can only feel it sliding on the surface of “inner experience”, staying in constant formation.

Key words and phrases: Georges Bataille; inner experience; community; event; consistency; sovereignty; the other.

УДК 342.924

Юридические науки

Статья посвящена теоретическим и правовым аспектам лицензирования в контексте расширения диспозитивных начал административно-правового регулирования экономики в России. Рассматриваются перспективы лицензирования как метода административно-правового регулирования, который в совокупности с иными альтернативными методами должен стать не только ограничителем, но и стимулом предпринимательской, экономической активности, способствуя инновационному, прогрессивному развитию экономики России.

Ключевые слова и фразы: лицензирование; административно-правовое регулирование; модернизация; правоограничение; правовой стимул.

Гета Юлия Ростиславна

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (филиал) в г. Новокузнецке
irina2969@ya.ru

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ДИСПОЗИТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

В условиях осуществления модернизации экономики роль диспозитивного регулирования административно-правовых отношений в экономической сфере существенно возрастает, что свидетельствует о его высокой социальной ценности, значимости для поступательного развития экономики России. Императивный метод приемлем в кризисных условиях, когда необходима концентрация ресурсов общества и государства. Однако для обеспечения социально-экономического благополучия необходимо использование диспозитивного метода, стимулирующего предпринимателей на учет публичных интересов, на участие в создании социально ориентированной рыночной экономики. В связи с этим позволим себе отметить, что составной частью диспозитивного метода регулирования административно-правовых отношений является лицензирование.

Представляется, что в постсоветский период государственно-правового строительства лицензирование выполняет миссию участия публично-правовых институтов в частных экономических отношениях. На наш взгляд, институт лицензирования имеет выраженную административно-правовую природу, он свидетельствует при этом о «проникновении» административно-правовых (публичных) начал в «ткань» частноправовых отношений, что, в свою очередь, показывает единство социальной ценности публичных и частных начал в современном праве. В подобном контексте оправдано и перспективно исследование проблематики взаимодействия административно-правовых и гражданско-правовых механизмов в регулировании сложных процессов жизнедеятельности экономической системы России.